

Герой и повседневность

Два последних драматургических произведения З. Аграненко — уже появившаяся на сцене пьеса «60 часов» и пьеса «Ключи от дома», напечатанная в журнале «Театр» (№ 5, 1955 г.), — несомненно говорят о том, что писатель стремится найти свою тему, свой путь в отражении образа современника.

Главное внимание З. Аграненко сосредоточивает на образе положительного героя наших дней. Обратим же особое внимание на эту сторону пьес З. Аграненко, попробуем проследить, в чем сказывается плодотворность исканий драматурга, а в чем — известная ограниченность его идейно-творческих устремлений.

Освободить героя от ходулей, раскрыть подлинно поэтическую, героическую сущность внешне неприметных текущих дней — важная и интересная задача, стоящая перед всей советской литературой. Ее стремится решать в своем творчестве и З. Аграненко.

***

— Нет, мой герой не терпит пышных фраз, он всегда прост и незаметен, однако он способен, когда потребует, на мужественные, героические поступки, — как бы заявляет З. Аграненко, знакомя зрителя с начальником далекой степной железнодорожной станции Разгон, молодым инженер-лейтенантом Вороновым — героем пьесы «60 часов».

«Слишком серьезный, а под этой серьезностью — пикто, ничто... Маленький человек, без полета и воображения, без крыльев... Это все равно, что без цели, к которой бы жадно стремился», — так несправедливо характеризовала Воронова разлюбившая его жена. Но ведь и читатель мог приблизительно так же судить о герое — до тех пор, пока на станции Разгон не произошли непредвиденные события.

В таком начале уже чувствуется скрытая полемика. Герой не только не приукрашен, — автор настойчиво изображает его человеком, на первый взгляд, серым, заурядным, вялым... С каким-то особым жаром отрицания отказывается Аграненко от всех приемов, которые позволяют угадать в герое его внутреннюю значительность. Он словно старается скрыть ее как можно глубже и, напротив, возможно нагляднее вылить, подчеркнуть будничность людей и обстановки.

Столь же полемичны и первые сцены пьесы «Ключи от дома». Автор сопоставляет контрастные фигуры самоуверенного, кичливого директора сибирского паровозостроительного завода Седых и инженера Васильева, добровольно взявшегося за скромные и хлопотливые обязанности помощника директора по быту, чтобы помочь заводу исправить все недостатки, имеющиеся на этом участке.

Сразу же подчеркивается обыкновенность, заурядность одного и претензия другого на необычность, значительность. Седых статен, высок. Войдя в комнату с низким потолком, он «кажется почти великаном». Торжественно и красиво звучит его тост: «По магистралям страны мчатся ваши питомцы. В скатах, котлах, во внешнем контуре локомотива — сдержанное строгим математическим расчетом пламенное воображение конструктора...». Васильев не таков. У него, согласно ремарке, утомленное, небритое лицо. Он чуждается красивых фраз и речей. В тот момент, когда произносится торжественный тост, он, отойдя поодаль, привычно, молчаливо перелистывает какой-то толстый технический словарь. И дела его в пьесе тоже, казалось

Заметки о пьесах З. Аграненко «60 часов» и «Ключи от дома»

бы, невидные. Он самолично бывает в общежитиях и в столовых, вмешиваясь во все, стараясь улучшить быт рабочих; он не белоручка, он не боится будничных дел...

Намерения драматурга определены очень ясно. Иногда даже слишком ясно! Читая «60 часов» и «Ключи от дома», трудно отделаться от ощущения известной рассудочности, преднамеренности в замысле автора, в построении характеров.

Автор как бы повторяет снова и снова: мой герой не фразер, не демагог, он не стремится «выдвинуться», «блеснуть»... Но ведь этого еще недостаточно, чтобы убедить читателя в достоинствах души героя. Задача драматурга — показать красоту мыслей и чувств простого советского человека, раскрыть богатство его внутреннего мира.

Мы говорили выше, что З. Аграненко ставит своей целью показать героя «без когурн», погруженного в повседневность, и раскрыть его подлинно героическую, поэтическую сущность. Но ему пока удастся в полной мере лишь решение «первого вопроса» в этой сложной задаче — изображение будничного окружения героя, частных проявлений его характера.

Было бы несправедливым не отметить хорошую жизненную наблюдательность автора, его умение набросать портреты современников, верные в деталях, написанные с бесспорной жанровой сочностью. Но автор как бы сдерживает своих героев в их мечтах и поступках, не переставая напоминать, что все это прежде всего очень скромные, очень обыкновенные люди. Герои как-то растворяются во внешне неинтересной повседневности, пассивно отдаются ее течению. И несмотря на стремление драматурга доказать обратное, эти простые, рядовые советские люди подчас выглядят в пьесах простоватыми и заурядными, а их духовный мир — обедненным.

Уже когда мы знакомимся с Вороновым в пьесе «60 часов», нам хотелось глубже, больше, полнее знать о мыслях, мечтах, взглядах на жизнь, свойственных герою, о его общем жизненном идеале, о целях, к которым, надо думать, он стремится не только в короткие часы аврала на станции, но вообще на протяжении всех своих обычных трудовых будней, всей своей жизни.

Желание узнать больше о жизненных целях и мечтах героев возникает и тогда, когда автор знакомит нас с юной влюбленной, чуть смешной парой — дежурной Баюшкиной и механиком водоканчки Кожуном или с летчиком Радаевым, занимающимся отнюдь не героическим, повседневным делом — доставкой черешни, мальков, цветочной рассады, газетных матриц...

Симпатии, сочувствие вызывают и мно-

гие действующие лица «Ключей от дома» — неустроенные молодые люди, рабочие

Стуколкин и Куликова, старый машинист Ермолов, юная фрезеровщица Лебедева. Но, как и персонажи «60 часов», они не увлекают, не рожают желания подражать. Ведь это желание возникает лишь тогда, когда нас зовет цель героя, когда нас влечет идеал.

Жизненный идеал положительного героя — это не только идеал автора, но отражение идеалов всего нашего общества, народа. Борьбой за них насыщены и рядовые будни и выдающиеся героические подвиги наших дней. Отказ от искусственной идеализации отнюдь не должен снижать в литературе и театре стремления к последовательному сильному выражению идеала советской жизни, к укрупненному, а если надо, то и подчеркнутому, заостренному показу лучших черт советского человека.

Расплывчатость, нечеткость, некоторая узость в показе общих жизненных устремлений героев в пьесах З. Аграненко обнаруживают, что творческие искания драматурга еще не во всем верны, что складывающиеся у него идейно-эстетические позиции нуждаются в серьезных коррективах.

Прямым самоуничижением, производящим неприятное впечатление, звучат в финале «Ключей от дома» сбивчивые слова Васильева, обращенные к любимой женщине, с которой на протяжении четырех актов он все никак не мог объясниться: «Я не смел... Я знал, что Седых. По сравнению с ним...». И это он говорит о человеке, против которого боролся, недостатки которого ясно и хорошо видит! И это он говорит женщине, искренно и серьезно любящей его, почти в отчаянии признавшейся: «Сколько бы недель, месяцев, лет длилась бы глупая канитель? Вы перебежали бы на противоположный тротуар, а я, запершись от отца, плакала. Сколько бы еще недель, месяцев вы бы не чувствовали, либо нарочно притворялись не чувствующим?».

Спору нет, случаются у людей и такие любовные недомолвки. И, может быть, не стоило об этом говорить, если бы в произведениях З. Аграненко не настораживала какая-то ложная поэтизация пассивности героев, в особенности в личной жизни.

Думается, что сказанное о пьесах З. Аграненко можно в какой-то мере отнести и к некоторым другим драматургическим произведениям последнего времени. Поэтизацию будней, «малых дел» — без должного ощущения и раскрытия в них общего великого смысла нашей жизни — можно подметить не только в «Ключах от дома». Преднамеренный отказ от какой бы то ни было идеализации стал превращаться кое-где в свою противоположность. И вряд ли надо рассуждать о том, какое из двух зол большее.

Тема «героической обыкновенности» давно волнует советских писателей. Разрабатывая ее, они достигли немалых успехов. Вспомним хотя бы «Обыкновенного человека». Умно и зло высмеял Л. Леонидов в этой комедии разнообразные нелепые потуги на необыкновенность и в полный голос, поэтически воспел, — поэтизируя не внешнюю обыкновенность, но ее героическую суть, — обычных наших людей.

Умение вылить в буднях жизни пафос эпохи, умение в рядовых людях показывать замечательных строителей будущего присуще лучшим произведениям советской литературы разных лет. В развитии этих традиций — залог плодотворности дальнейших поисков советских драматургов.

А. ОБРАЗЦОВА.